

Владимир Войнович

Два товарища

(сборник)

ФТМ

Владимир Николаевич Войнович

Два товарища

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163919

Два товарища: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-20039-8

Аннотация

В сборник вошли самые любимые, самые известные рассказы и повести В.Войновича: **Повести** • Мы здесь живем • Два товарища • Путем взаимной переписки **Рассказы** • Хочу быть честным • Расстояние в полкилометра • Шапка

Содержание

Мы здесь живем	4
1	7
2	14
3	17
4	20
5	26
6	31
7	41
8	47
9	53
10	58
11	61
12	65
13	69
14	74
15	76
16	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Владимир Войнович

Два товарища (сборник)

Мы здесь живем

Было раннее утро, и трава, облитая обильной росой, казалась черной. Слабый ветер шевелил над Ишимом тяжелые клубы тумана.

Ваня-дурачок гнал через мост колхозное стадо и пел песенку. Губы у Ивана толстые, раздвигаются с трудом, поэтому в песенке нельзя было понять ни одного слова.

Я ехал на своем самосвале и уже собирался въехать на мост, но увидел на нем теленка. Задняя нога его застряла меж двух бревен, теленок лежит на брюхе, мычит, на том его борьба за жизнь и кончается. Я остановил машину и помог потерпевшему.

– Ну что ж ты, – сказал я Ивану, – губы-то распустил? Видишь, теленок провалился! Так ему и ногу недолго сломать.

– Пускай ломает, – дурачок беспечно махнул рукой. – Прирежем... Хлопцам на стане три дня мяса не давали. А меня не дразни. Гошке скажу.

И пошел, волоча по траве свой длинный бич, который здорово щелкает в умелых руках.

Я медленно въехал на мост и забуксовал как раз на том

месте, где провалился теленок. Я давил на газ, колеса крутились, еще больше раздвигая бревна, но машина не двигалась с места. Увидев это, Иван вернулся.

– Ну что? – спросил он, подходя, и хлопнул бичом.

– «Что, что», – передразнил я его. – Видишь, забуксовал.

– Ну давай тогда тебя прирежем. На шашлык.

– Брось ты эти шутки, – сказал я ему. – Ты лучше возьми мою телогрейку, вот так сложи вдвое, чтоб изнутри не запачкалась, и подложи под колесо.

Я благополучно переехал через мост и остановился. Иван подал мне мою телогрейку. Она была совсем чистая, а у него на правом боку через рукав шел грязный рубчатый след от ската.

– Ты сам, что ли, ложился под колесо? – спросил я.

– Нет, свою телогрейку подложил, а то твоя новая – жалко.

Выехав на грейдерную дорогу, ведущую на Кадыр, я в третий раз остановил машину и подошел к желтому дорожному щиту, на котором прямыми крупными буквами было написано только одно слово:

«ПОПОВКА».

Много людей ездит мимо этого щита и видит то, что на нем написано. Но разве запомнишь название каждой деревни?

А я здесь часто бывал. Знал Гошку, знал и других.
Вот об этих людях я и написал свою повесть.

1

Кусты ивняка стояли над суженным руслом Ишима. Санька и Лизка нагрузили глиной высокий самосвал Павла Спиридонова, прозванного Павло-баптист, и Павло, надвинув кожаную фуражку по самые уши, уехал. Подруги, бросив лопаты, легли отдохнуть. Лизка сняла с себя выгоревшую кофточку, и тень от листьев пятнами упала на ее загорелую спину.

– Не умеешь ты, Санька, работать, – сказала Лизка. – Лопату криво держишь, и все у тебя высыпается.

В кустах жужжали шмели и трещали кузнечики. Наискосок через небо почти невидимый самолет тянул извилистый волокнистый след. Лизка перевернулась на спину и посмотрела на небо.

– Смотри, самолет летит и дым пускает. Как все равно облако, – сказала она.

– А это облако и есть. Самолет сам его делает.

– Как это он делает? – недоверчиво спросила Лизка.

– Не знаю как, а знаю, что делает. Инверсией это называется.

– Ишь ты – инверсия, – почтительно повторила Лизка незнакомое слово. – Инверсия. А ты откуда знаешь?

– Так, знаю. Летчик один знакомый рассказывал.

– Летчик? У тебя есть знакомые летчики?

– Были.

Лизка немного помолчала, потом пошутила:

– Вот видишь, жила ты в городе, летчиков знакомых имела. А то ведь в Поповке их нету. Здесь какой ни то комбайнер, и тот уже нос дерет – не подступишься. Поживешь-поживешь да и выйдешь за Ивана-дурачка.

Санька, ничего не ответив, лежала, смотрела на небо и старалась ни о чем не думать. Ни вставать, ни тем более работать не хотелось.

– Слушала я вчера, как ты пела в клубе, – сказала Лизка. – Хорошо у тебя получается. Прямо как у артистки. «Парней так много холостых...» – начала было Лизка, но одумалась. – Это ты тоже в своем городе научилась?

– Тоже.

– Все в городе, – вздохнула Лизка. – Летчики в городе, артисты в городе. А у нас... – Лизка поднялась на локте и посмотрела на дорогу. – Ой, никак Гошка едет! – сказала она радостно.

– Гошка?

– Ага, – Лизка торопливо застегивала кофточку.

– Ну что, мне опять идти цветочки собирать? – Санька поднялась и вытянула в стороны онемевшие руки.

– Сходи, Саня, – попросила Лизка. – Последний раз сходи. Сегодня что ни то да будет. Сегодня я у него добыю ответ.

– Что ж делать, – сказала Санька и пошла, раздвигая кусты, к Ишиму.

Гошка затормозил у самого обрыва и стал медленно подавать машину назад.

– Ну что, работать будем? – спросил он, стоя на подножке и глядя на Лизку через кузов.

– Будем, – сказала Лизка, – немного погода.

– Погодя некогда, Лиза, там строители ругаются.

– Поругаются на пять минут больше. Санька утомилась, пошла умыться.

Гошка был в майке. Солдатская гимнастерка, придавленная учебником литературы, лежала рядом на сиденье. Лизка, влезая в кабину, отодвинула все это в сторону и сказала:

– Ты чего это костяной подворотничок носишь? От него шея портится. Надо тряпочный носить...

– Стирать его да подшивать, – сказал Гошка. – Некогда.

– Хорошо женатому, – вздохнула Лизка сочувственно. – Жена и подошьет, и постирает, и вон дырку на рукаве залатала бы.

– Чего там латать? Выбрасывать пора.

– Чего ж не выбросишь? – насмешливо покосилась Лизка.

– А вот до плеча разорвется – выброшу.

Замолчали. Гошке хотелось спать, глаза слипались – не до разговоров. Сегодня в шесть утра он приехал из Актабара, а в восемь прискакал на лошади бригадир Сорока, заставил ехать за глиной. Лизка взяла в руки учебник, развернула по середине, долго смотрела, не читая, и снова положила на место.

– Учишься?

– А? – Гошка с трудом разомкнул веки.

– Учишься, говорю?

– Учусь.

– И долго тебе еще учиться?

– Не знаю, Лиза. Вот экзамен сдам, а там видно будет.

– В техникум пойдешь?

– Не знаю.

– Я летошний год тоже училась, – помолчав, сказала Лизка. – На кройки и шитья. Экзамены тоже сдавала. У меня и диплом есть.

Гошка не ответил.

– Я и вышивать умею. Что гладью, что крестом... Вот Мишка-тракторист увидел мои вышивки. «Кабы я не был женат, говорит, Лизка, на тебе б женился. А то, говорит, у меня не жена, а одно название. Так только, сготовить чего или постирать, а чего ни то сшить или вышить не может. Вот, говорит, коврик на стенку или подзор на кровать – все, говорит, купленное, за все денежки плачены». Ты б себе какую жену взял, а?

– Не знаю, Лиза. Какая попадетса, – устало пошутил Гошка.

– Небось тоже хочешь покрасивше да ученую, – грустно сказала Лизка. – Вон как у Васьки. Ученая, учительшей работает, а некультурная. Придет с работы: «Я, говорит, устала, ты, говорит, должен за мной ухаживать». А чего она там

устала? Чай, не кирпичи таскает. А когда Васька на курсы ездил, письмо ей пришлет, а она красный карандашик в руки, ошибки отметит и назад посылает.

Гошка открыл дверцу:

– Пойдем, Лиза, пока вдвоем поработаем.

– Еще посидим, – нерешительно попросила Лизка.

– Нет, нет. Некогда. Там строители небось рвут и мечут.

Он вытащил из-за кабины лопату с короткой кривой ручкой и пошел к заднему борту. Лизка неохотно пошла следом.

– Гоша, а ты вчера на собрании был? – спросила она, становясь рядом.

– Нет, я в Актабар ездил.

Лизка оперлась на лопату и сказала, как о большом секрете:

– Председатель выступал. Пятница. Говорил: «Как построим дома, женатым по полдома дадим, а у кого двое детей, так тому, говорит, и по целному».

– Ладно, Лиза. Это нас с тобой не касается.

«Как бы ты схотел, так касалось бы», – печально подумала Лизка и со вздохом швырнула в кузов первую лопату. Работали молча. Подошла Санька, встала рядом с Лизкой и посмотрела ей в глаза. Лизка отвернулась, и Санька все поняла.

– Ну что? – спросила она, когда Гошка уехал. – Опять ничего не вышло?

– Нет, – Лизка отшвырнула лопату. – Не вышло.

– Ну а что ты ему говорила? Опять на полдома намекала?

– Намекала, – призналась Лизка.

– Ах, Лизка, Лизка! Кто ж так делает? Разве такого парня заманишь этим?

– А чем же его замануть?

– Не знаю, – вздохнула Санька. – А если б знала, так не сказала бы.

– Это почему?

– Самой пригодилось бы, – тихо сказала Санька.

Лиза испуганно посмотрела в глаза подруге.

Санька отвернулась. Она долго смотрела в сторону Поповки, туда, где скрылась Гошкина машина, и не сразу услышала тихие всхлипывания.

– Ты что, Лизка? – кинулась она к подруге.

Лизка уткнулась мокрым лицом в траву и ничего не ответила. Санька легла рядом.

– Ну что ты, Лиза? У меня ведь тоже ничего не получается. Ты хоть ему говоришь. А я и этого не умею.

Лизка села, утерлась подолом и, все еще всхлипывая, улыбнулась широкой улыбкой:

– Помнишь, Саня, я тебе рассказывала, сколько у меня парней было? Так все это неправда. Только один парнишка был, Аркашка Марочкин, Тихоновны сын. Билеты в кино покупал. А потом на службу ушел. Так с тех пор никого и не было.

Лиза замолчала и, сорвав желтый цветок одуванчика, стала рассеянно обрывать мягкие лепестки.

– Ну и что, ты уже забыла Аркашу? – тихо спросила Санька.

– Я-то не забыла, он забыл. Как первый месяц служил, одно письмо прислал – и все. Я ему еще штук шесть посылала, а от него ни ответа, ни привета. Да чего говорить! Им, мужикам, лишь бы обмануть, а наш брат – баба – всегда страдает.

– А может, у него времени нет письма писать? Может, с ним что случилось?

– Нет, – сказала Лизка и молоком, выступившим на обрыве стебелька, стала писать на руке слово «Аркадий». – Матери-то он пишет. Вчера иду мимо, а Тихоновна: «Зайди, говорит, на момент. Чего покажу». Фотокарточки показывала. Аркашка прислал. На танке сфотографированный, на котором ездит.

В этом году колхоз заложил двадцать два дома для переселенцев и молодоженов. На стенах некоторых домов уже лежали пожелтевшие от солнца стропила, для других домов еще только заложили фундамент.

На строительной площадке никто не работал. Возле четвертого справа дома стояла голубая «Волга» председателя колхоза Петра Ермолаевича Пятницы. Восемнадцать строителей (в Поповке их называли «шабашники») окружили председателя и слушали своего бригадира Потапова, высокого и худого мужика с усиками.

Гошка поставил машину возле растворного корыта и крикнул строителям, чтобы шли разгружать. Никто не отошел. Только рыжий и рыхлый, похожий на женщину каменщик Валентин, не оборачиваясь, махнул рукой – подождешь. Гошке тоже нужен был председатель, и он вылез из кабины.

Полукруглая желтая тень от широкополой соломенной шляпы падала на лицо председателя. На парусиновом пиджаке темнел потускневший и облупившийся за долгие годы орден Красного Знамени. Этот орден эскадронному командиру Пятнице вручил в 1921 году Буденный.

Председатель колхоза Пятница, прикрывая время от времени старческие веки, слушал бригадира Потапова. Голос у

Потапова был глухой и ровный.

– Наше условие, Ермолаевич, простое, – говорил он. – Сто рублей в день на рыло – или порвем договор. Нам работа везде найдется.

– Не смею задерживать, – сказал председатель.

– Ты это, Ермолаевич, брось. Мы с тобой обое старые и лысые, и притворяться нам нечего. Тебе нужны дома, нам – деньги, друг без дружки нам не обойтись.

– Попался б ты мне лет сорок назад, Потапов, – задумчиво сказал председатель, – развалил бы я тебя шашкой на две половинки.

– Не развалил бы. Я костистый. Ты лучше скажи, будем перезаключать договор или ругаться будем?

– Ладно, отстань, – сказал Пятница. – Скажи лучше своим, пусть работают, а то за такую работу я вам и по десятке не заплачу. А насчет нашего разговора подумаю.

– А когда ответ дашь?

– Завтра.

Строители не спеша разбрелись по своим местам.

Двое с лопатами через плечо пошли разгружать Гошкину машину. Петр Ермолаевич повернулся к Гошке:

– Ну, как дела, Яровой? Что это ты такой сонный ходишь?

– А чего ж мне не сонным ходить? – сказал Гошка. – Два часа всего спал.

– Тяжело, – согласился председатель. – Всем сейчас тяжело. Время такое. Зато осенью премии будем давать – тебе

первому.

– Вы бы мне лучше отпуск дали.

– Зачем тебе отпуск?

– А вот, – Гошка вынул из кармана сложенную вчетверо бумажку.

В этой бумажке было написано, что выпускник десятого класса районной заочной школы Яровой Г. И. имеет право на отпуск за счет государства на время выпускных экзаменов.

Председатель перечитал бумажку два раза.

– Не могу, – сказал он, возвращая бумажку.

– Как это вы не можете? – возмутился Гошка. – Мне по закону положено.

– Какой тут, милая моя, закон, – вздохнул председатель. – Мне вот каждый день звонят из района: «Почему задерживаешь строительство? Почему опаздываешь с посевной?» А я что им скажу? Скажу, что я всех шоферов в отпуск отправил? Так, по-твоему?

– Но мне же...

– Что – тебе же? Экзамены надо сдавать? Знаю. А как на войне? Я в Отечественной, конечно, не участвовал, а вот в Гражданскую у нас знаешь как было?

– Знаю, – сказал Гошка, – вы по трое суток с коней не слезали.

– Откуда ты знаешь? – удивился председатель.

– Это вы мне десять раз рассказывали. – Гошка огорченно махнул рукой и пошел к своему «ЗИЛу».

Возле облитой маслом кирпичной стенки стояли машины. Из-под крайнего слева самосвала торчали ноги в легких парусиновых сапогах.

– Толька, убери ноги! Оттопчу! – крикнул Гошка, ставя машину к стене.

Из-под машины с тавотницей в руках вылез лохматый шофер в синем комбинезоне. Из бокового кармана достал измятую пачку «Беломора».

– Дай прикурить, – сказал он.

Гошка приехал в Поповку два года назад, после демобилизации. Анатолий приехал в пятьдесят четвертом году, после десятилетки: он считался среди новоселов почти старожилом. Гошка и Анатолий были друзьями, но в последнее время встречались редко.

– Пойдем, что ли? – спросил Гошка, закрывая машину.

– Пойдем.

По дороге домой Гошка рассказал Анатолию о своем разговоре с председателем.

– Какой ты дурак, – разозлился Анатолий. – На тебе скоро воду будут возить. Подумаешь, у него шоферов нет! А тебе какое дело? Тебе государство отпуск дает. А оно больше знает, нужен ты или не нужен. Ты же завалишь экзамены.

– Не завалю.

– А я тебе говорю – завалишь. С таким дураком даже разговаривать не хочется. Отойди от меня. Вот так.

Некоторое время они шли молча. Гошка долго сдерживался и наконец хмыкнул в кулак.

Анатолий тоже засмеялся.

– Когда у тебя сочинение? – спросил он, перестав смеяться.

– Через три дня.

– А шпаргалки у тебя есть?

– Нет. Я думаю без шпаргалок.

– Чудак ты, Гошка. Кто же сочинения без шпаргалок пишет? Ты когда-нибудь такого видал?

– Нет, – сказал Гошка.

– Я тоже.

– Ну а первый все-таки кто-то писал сочинения сам?

– Первый! А кто был первый человек на земле, ты знаешь? Адам! Вот, может, он первый и писал сочинения, а все, кто потом жил, сдували. И ты сдувай. Это надежней. Так все делают. А насчет устного экзамена я тебе вот что скажу. Самое главное – это уметь отличать положительного героя от отрицательного.

– А как же их отличать?

– Это очень просто. Вот ты, например, отрицательный. Ты, правда, не пьешь, не воруешь, не делаешь фальшивые деньги, но дураки – они тоже отрицательные.

– А ты положительный?

– Я положительный.

– Из чего это видно?

– А вот считай! – Анатолий стал загибать пальцы. – Комсомолец не хуже тебя. После окончания средней школы откликнулся на призыв. Добровольно поехал осваивать целинные земли. Имею Почетную грамоту и медаль за освоение. Ну что? Съел?

– Ну а еще что?

– Куда больше? Хватит.

– А вот Яковлевна говорит, что ты, когда в хатуходишь, ноги не вытираешь.

– Насчет ног – это верно, – признался Анатолий, – но зато... зато я приехал сюда после десятилетки. У меня не было жизненного опыта. Я уже шесть лет на целине.

– Много, – сказал Гошка. – А Яковлевна вон шестьдесят лет живет на целине – и ни одной медали. И вообще, – Гошка, сам не замечая, перешел на серьезный тон, – вот сейчас все говорят о десятиклассниках: им семнадцать лет, у них нет опыта, у них трудности. А когда я начинал работать, мне было двенадцать лет. У меня не было ни опыта, ни десяти классов. Почему же обо мне тогда ничего не говорили?

– Наверное, такое время было, – тоже переходя на серьезный тон, сказал Анатолий. – Не до тебя было.

– И тогда было не до меня, и сейчас не до меня.

– Да, – сказал Анатолий неопределенно и махнул рукой. – Ну, мне сюда. Пока.

4

В день экзамена Гошку все-таки освободили от работы. До города по грейдеру было двадцать два километра. Гошка долго ждал попутной машины, в школу приехал за пятнадцать минут до начала. Все заочники уже собрались. Они сидели на скамейках, на крыльце, просто на траве перед школой. Одни лихорадочно листали учебники, другие сортировали шпаргалки, третьи ожидали своей участи пассивно. Стуловатый парень с пышной прической и металлическими зубами тасовал в руках пачку фотографий-шпаргалок.

– Навались, подешевело! Полный комплект сочинений за один червонец.

Парень был местным фотографом. Сегодня его продукция пользовалась небывалым спросом. Гошка тоже решил запастись новинками фотоискусства. На всякий случай. Он вынул деньги.

– Дай.

– Все, – сказал фотограф, – пива нет, ресторан закрыт. Осталась одна пачка – самому пригодится. Я тоже сдаю.

Вышел толстый учитель в чесучовом пиджаке и неожиданно тонким голосом сказал:

– Заходите.

Все пошли. В коридоре фотограф догнал Гошку и тронул его за рукав:

– Четвертной дашь?

Раздумывать было некогда, Гошка сунул ему двадцатипятирублевку. Рассаживались долго. Взрослые люди с трудом помещались за детскими партами. Гошка сел за третью парту. Фотограф сел рядом.

– Вдруг чего, дашь мне сочинение, – сказал он.

Гошка не ответил. Ученики замороженными глазами следили за учителем, пухлые пальцы которого слишком медленно разрывали пакет. Но вот он написал на доске первую тему, и Гошка облегченно вздохнул. «Молодая гвардия». Эту книгу Гошка знал хорошо.

Всего было четыре темы. Фотограф долго думал, на какой из них остановиться, и не остановился ни на одной.

– Слышь, дай мне Тургенева, – шепнул он Гошке.

– Полсотни, – сказал Гошка.

– Я ж тебе за двадцать пять.

– Подорожали.

Фотограф помолчал, подумал, но пятьдесят рублей пожалел. Он заглянул в Гошкину тетрадь.

– За два одинаковых сочинения оба автора получают по двойке, – глядя в потолок, сказал всевидящий учитель.

Гошка отодвинулся. Фотограф почесал в затылке и – делать нечего – взялся за сочинение. Некоторое время молча скрипел пером, потом ткнул Гошку в бок:

– Слышь, как пишется «патриот» – через два «т»?

– Пять рублей, – предложил Гошка.

– Шура, – сказал фотограф и обиженно отвернулся.

В начале июня неожиданно приехал досрочно демобилизованный Аркаша Марочкин. Уезжал простым человеком, а вернулся ефрейтором. Привез Аркаша матери подарки: полушалок чисто шерстяной, отрез на платье и еще кое-чего по мелочи. Было чего рассказать. Когда выключили электричество, Тихоновна засветила керосиновую лампу, и долго еще желтели два окна в доме Марочкиных.

Утром Аркаша не торопясь умылся, позавтракал и, приведя себя в порядок, вышел на крыльцо.

Лизка, которая вот уже полтора часа ковыряла мизинцем трухлявую штакетину в Аркашиной калитке, кинулась к долгожданному:

– Аркаша!

И обомлела. На Аркаше все сверкает. Сапоги, пуговицы, бляха. На груди значков штук шесть. Все большие, как орден, и тоже сверкают.

– Аркадий Алексеевич, – поправилась Лизка и отступила на два шага в сторону.

– Здорово! – Аркадий двумя пальцами расправил гимнастерку под ремнем и, выбросив вперед левую руку, долго смотрел на циферблат часов.

– Сколько время? – почтительно спросила Лизка и сама смутилась от нелепого своего вопроса.

– Полчаса десятого, – значительно ответил Аркаша и между прочим поинтересовался: – Ну как жизнь?

– Ничего, спасибо.

– Замуж еще не вышла?

– Нет еще.

– Чего ж так?

– Куда спешить-то? – сказала Лизка, приблизилась и тревожно посмотрела в Аркашины глаза. – А ты... А ты не женился?

– У солдата в каждой деревне жена и в каждом доме теща, – сказал Аркаша и опять посмотрел на часы. Потом вынул из кармана сверкающий никелем портсигар, щелкнул крышкой, постучал по крышке мундштуком «Беломора».

– Опять в колхоз пойдешь или как? – робко спросила Лизка.

– Не знаю. Посмотрю, что председатель скажет. Найдется что подходящее – останусь. А нет, так... Меня теперь где хочешь примут. Механик-водитель. На любой завод без разговору. – И заторопился: – Ну ладно, пойду, чего тут зря разговаривать!

Лизка одним пальцем тронула наглаженный рубчик Аркашиного рукава:

– Вечером в клуб придешь?

– Не знаю. – Аркаша убрал локоть. – Чего там делать? – Но, поглядев ей в глаза, смягчился: – Может, и приду. Видно будет. – И пошел по тропке мимо соседских дворов, стройный, подтянутый.

Лизка тоже пошла было, но на крыльцо, гремя ведрами,

вышла Тихоновна. Поздоровались. Тихоновна внимательно посмотрела на Лизку, спросила:

– Ждешь кого?

– Да нет... так просто стою.

– Аркашу видела?

– Видела. – Лизка пожала плечами: дескать, было б на что смотреть.

Тихоновна поставила ведра на землю.

– Ну и как?

– Да чего – как? Парень как парень. Две руки, две ноги – ничего особенного.

– Это как сказать – ничего особенного. На службе-то девки за им знаешь как бегали.

– Девки бегали? – насторожилась Лизка.

– И-их, милая, еще как бегали-то. – Тихоновна для чего-то наклонилась к самому Лизкиному уху и понизила голос: – Фотокарточек привез цельную пачку. Вот такую. И все девки. Мне уж больно одна там понравилась. Из себя такая видная, и родинка на этом месте, возле глаза. Симпатия. На фершалку учится.

– На фершалку?

– На фершалку, милая, на фершалку, – охотно подтвердила Тихоновна.

– Ну, я пойду, – неожиданно заторопилась Лизка. – До свидания вам.

– До свидания, милая. Заходи как-нибудь, – радушно

предложила Тихоновна. «Когда нас дома не будет», – добавила она про себя. Ей не нравилась Лизка. Она считала, что сын ее достоин лучшей пары.

А Лизка шла, задевая пальцами штакетник, и не глядела под ноги. «Фершалка, – думала она, – подумаешь, фершалка».

До последнего экзамена оставалось шесть дней. Немецкий язык – предмет несерьезный, и про учительницу, которая вела его, ходили в школе добрые слухи. Говорили: если знаешь все буквы – тройку поставит. Алфавит Гошка мог прочесть без подготовки. Поэтому он решил отдохнуть и сходить в кино.

Все знали, что в клуб привезли фильм про шпионов. Поэтому задолго до начала все скамейки были заняты. Завклубом Илья Бородавка продавал билеты прямо у входа и сразу отрывал контроль.

Гошка увидел на одном подоконнике свободное место и пошел туда.

– Гоша, – услышал он Лизкин голос и обрадовался. Подумал: «Значит, и Санька здесь».

Но Саньки не было. Лизка сидела во втором ряду, рядом с ней – Аркадий Марочкин. Он уже снял с себя военную форму и сейчас сидел в похрустывающей кожанке и хромовых сапогах. Время от времени он небрежно выбрасывал вперед согнутую в кисти левую руку и смотрел на светящийся циферблат своих часов. Лизка была в шелковой косынке, в синей жакетке, с искусственной розой на груди.

– Садись, Гоша. – Она подвинулась к своему кавалеру и двумя пальцами подтянула подол праздничного платья. –

В кино пришел? – спросила она и улыбнулась уголком рта, чтоб показать металлическую «фиксу», вставленную недавно. Лизка смотрела на Гошку, счастливо улыбалась, и глаза ее говорили: «Вот не хотел ты со мной, а я не хуже нашла».

«Где ж Санька?» – подумал Гошка и хотел спросить о ней у Лизки, но почему-то не решился и сказал:

– Что это ты зуб вставила?

– Болел, – сказала Лизка, и видно было, что врет, – купила за три рубля в Актабаре.

В первом ряду, прямо перед Гошкой, сидел завскладом Николай Тюлькин со всем своим семейством: женой Полиной, трехлетней дочкой Верочкой и тещей Макогонихой. Девочка вдруг расплакалась. Полина трясла ее на руках и успокаивала:

– Зараз зайцев покажут. Багато, багато зайцев побытых!

– А воны з рогамы? – спросила девочка, вытирая слезы.

– З рогамы, з рогамы.

Бабка Макогониха сидела рядом и не обращала на дочку и внучку никакого внимания.

Когда-то хорошая хозяйка и рукодельница, в последние годы Макогониха чувствовала себя все хуже и хуже. У нее часто кружилась голова, тряслись руки, а в ногах была такая слабость, что даже поболтать с соседками старуха выходила редко. Она жаловалась дочери на недомогание и удивлялась:

– Николы такого нэ було.

– Шо вы, мамо, удивляетесь? Восемьдэсят годов вам тож

николы нэ було.

В последнее время старуха почти ничего не помнила и не понимала. Полина давно уже отстранила ее от хозяйственных дел. Старуха отчасти потому, что не привыкла сидеть без работы, отчасти из чувства обиды и противоречия, хваталась за все, но ничем хорошим это никогда не кончалось.

Макогониха сидела рядом с дочерью и, недоверчиво поджав губы, смотрела на экран, как будто видела его впервые.

Лизка толкнула Гошку в бок и, имея в виду Макогониху, шепнула:

– Сейчас будет плакать.

И правда. Как только погас свет и на экране появились борцы, старуха завздохала:

– Боже ж мий, таки молоди. За шо их? – И, не получив ни от кого ответа, она заплакала от жалости к борцам и плакала потом, когда после журнала люди с собаками полтора часа гонялись за молодым шпионом.

Лизка сидела, скрестив руки на груди, и смотрела равнодушно. Она видела фильм раньше и все знала наперед. Поэтому, когда в самом захватывающем месте Марочкин вскрикнул: «Вот, елки-моталки, опять ушел!», она прижалась к нему:

– Не бойсь, пымают.

– Тише ты – «пымают», – сказал кто-то в заднем ряду.

Лизка испуганно съежилась и сильнее прижалась к своему кавалеру.

Трещал аппарат. В клубе кто-то курил. Было дымно и душно. На туманном экране бродили шпионы. Гошка закрыл глаза. Его разбудила Лизка. Она протянула ему горсть семечек:

– Будешь лускать?

– Что? – спросил Гошка, открывая глаза.

– Спишь, что ли?

– Нет, – сказал Гошка и опять задремал.

После кино все расходились кучками. Возле крыльца целой толпой стояли ребята и, ослепляя выходящих электрическими фонариками, искали своих попутчиц. Анатолий, который во время сеанса сидел у дверей, вышел первый и подождал Гошку на улице. Они пошли вместе. Впереди них шли Тюлькины. Глава семьи шагал посередине, неся на руках девочку.

– Ну как картина? – спросил Анатолий. – Понравилась?

– Понравилась, – ответил Гошка, зевая. – Спать хорошо.

– Ты что, спал? Зря. А я люблю такие вещи. Вот читал книжку «Охотники за шпионами». Не читал?

– Нет.

– Про контрразведчиков. Интересно. Ты хотел бы стать контрразведчиком?

– Раньше хотел, – сказал Гошка.

– А теперь что ж?

– Не знаю. Некогда думать об этом. Своей работы хватает. – Они свернули на тропку и пошли по одному – Анато-

лий впереди, Гошка сзади. Слева чуть слышно журчала река, и вода, отражая неяркие звезды, неясно мерцала сквозь редкий камыш. Было совсем темно.

– Да, – сказал Анатолий, – ты Саньку не видел?

– Нет. Не видел.

– Когда картина началась, она пришла в клуб, все кого-то высматривала, а потом ушла.

Шесть дней, данных на подготовку к немецкому, прошли незаметно. К исходу шестого дня Гошка знал не больше, чем в первый день. Вечером, придя с работы, он сел у окна и раскрыл книгу.

За столом в ватных брюках и валенках сидел дядя Леша и набивал солью патроны для своего ружья. Иногда Гошка отрывался от учебника и смотрел, как старик сыплет в патрон щепотку серой, как весенний снег, соли и утрамбовывает ее желтым от самокруток пальцем.

Надвигались сумерки, но возле окна было еще довольно светло.

– Слышь, Гошка, – спросил хозяин, – у тебя ноги на погоду не крутит?

– Нет, – рассеянно ответил Гошка, – не крутит.

– А у меня крутит, – сказал дядя Леша и вздохнул. Ему очень хотелось поговорить с Гошкой, но Гошка, видимо, не был расположен к разговору. Дядя Леша почесал в затылке и снова принялся за свое дело.

С ведром в руках вошла Яковлевна.

– Так ты ще сыдышь! – возмутилась она, стаскивая у входа резиновые сапоги. – Я вже корову подоила, порося накормыла. Ой, Лешка, растащат у тэбэ склад, скажешь, шо я брэхала.

– Ладно тебе, – примирительно проворчал дядя Леша. – Иду.

Но пошел он не сразу. Сперва ссыпал патроны в парусиновый мешочек, потом перемотал портянки, надел тулуп и долго искал свою шапку. Наконец перекинул через плечо централку и пошел к дверям.

– Ну я пошел, – сказал он, остановившись.

Яковлевна промолчала. Гошка был занят и тоже промолчал.

– Ну я пошел, – повторил дядя Леша. И так как его никто не задерживал, он вздохнул и вышел на улицу.

Яковлевна вкрутила лампочку. Гошка пересел к столу.

В окно постучали. Гошка подумал, что это дядя Леша. Видно, забыл что-нибудь. Гошка выглянул в окно и увидел всадника. Это был бригадир первой бригады Сорока. На лошади он напоминал модель памятника Юрию Долгорукому, что украшала собой чернильный прибор председателя.

– Гошка! – Сорока откинул руку с нагайкой в сторону. – Гошка, гони до правления. Там тебя председатель ждет.

Он резко опустил руку. Лошадь испуганно шарахнулась и унесла его в сумерки.

На столбе перед конторой горела лампочка. Она освещала кусок двора и высокое крыльцо с покосившимися перилами. Возле крыльца на земле лежал старый дамский велосипед. По нему Гошка сразу определил, кто находится в конторе. Это был велосипед бригадира строителей Потапова. Велоси-

пед был старый-старый, и, когда хозяин ехал на этой штуке, по всей Поповке был слышен скрип.

Восемнадцать строителей сидели в конторе вдоль стен. Восемнадцать папирос мерцали в полумгле. Дым, слоями развешанный в воздухе, колебался. Мутный свет лампочки едва проходил через эти слои. За широким столом, малозаметный в дыму, сидел председатель и вертел чернильницу, украшенную бронзовым Юрием Долгоруким, который напоминал бригадира Сороку.

Председатель недавно бросил курить. Он кривился и морщился, испытывая искушение, и, отставив чернильницу, отмахивался от дыма руками. Перед ним стоял Потапов и убеждал председателя в том, что лучшей бригады, чем та, что сидит в этой комнате, ему не найти во всем районе и поэтому председателю нужно согласиться платить строителям по сто рублей на брата.

– Отстань, – сказал председатель устало. – Лучше отстань, Потапов. – И постучал пересохшей чернильницей по пружинящей крышке стола.

Потапов покосился на чернильницу, но, не отступая, спросил:

– Значит, не дашь?

– Не дам, – решительно сказал Пятница.

– Не дашь?

– Не дам.

– Дай закурить, – Потапов откинул в сторону руку.

Каменщик Валентин бросился к нему и с готовностью развернул портсигар. Некурящий Потапов закашлялся с непривычки и выпустил облако дыма в лицо председателю.

– Ладно, – сказал Потапов, покурив. – Последний раз спрашиваю: дашь или нет?

– Нет, – сказал председатель.

– Ладно. Тогда порвем договор. Завтра утром чтоб был полный расчет. Пошли, хлопцы.

Строители ушли.

– Георгий, открой окно, – попросил председатель, а сам пошел открывать другое.

Свежий ветер качнул сероватые занавески. По ступенькам крыльца вразнобой стучали сапогами строители. Потом раздался режущий ухо скрип и визг. Это ехал на велосипеде Потапов.

– Сволочь, – тихо сказал председатель и повернулся к Гошке. – Знаешь, зачем я тебя вызвал?

– Не знаю, – сказал Гошка.

– Завтра в Актабар эшелон с лесом приходит. Все машины туда бросаем.

– Меня не бросайте. Не поеду.

– Почему ж это?

– У меня завтра экзамен. По немецкому.

– Ну и что? Нагрузишь там, это недолго... минут пятнадцать. Потом в школу поедешь.

Глаза у председателя были грустные и красноватые. Гош-

ке вдруг почему-то стало его жаль, и он согласился:

– Ладно, поеду.

Утром, выезжая из гаража, он подобрал Анатолия. Машина Анатолия стояла в Актабаре на ремонте, и он ездил в город на попутных. Ехали молча. Анатолий насвистывал какую-то песенку. Гошка крутил баранку, вспоминая про себя правила спряжения глаголов.

Выехали за околицу. Высокое солнце било в глаза. Впереди показалось кладбище.

– Вот смотри, ходим тут, ездим, а потом все равно туда, – сказал Гошка.

– Боишься умирать? – спросил Анатолий.

– Боюсь.

– А чего бояться-то? Умрешь – не надо ни о чем заботиться, ни о чем думать. Немецкий учить не надо. Зачем жить хочешь?

– Не знаю, – сказал Гошка. – Наверно, из любопытства. Хочется знать, что завтра будет.

– Завтра дождь будет. Смотри, – Анатолий вытянул шею, – никак покойники.

При приближении машины с кладбища поднялся высокий и худой человек и, ведя в руках дамский велосипед, вышел на дорогу. Это был бригадир Потапов. А за ним потянулись к дороге остальные шабашники, каждый со своим инструментом, как оркестранты. Остановившись посреди дороги, Потапов поднял руку, словно приветствовал проходящие перед

ним войска. Гошка остановился.

– До Тимашевки подвезешь? – спросил Потапов и поставил на ступеньку ногу в белом от пыли кирзовом сапоге.

– Уезжаете? – спросил Гошка.

– А чего ж делать? – Потапов тронул пальцем стриженные свои усы. – Председатель договор перезаключать не хочет, а нам что? Мы люди вольные, дефицитные, нас где хоtiшь возьмут. А оно ведь, как говорится, рыба ищет где глубже... Каждый свой интерес понимает.

– Не повезу, – сказал Гошка, выжимая сцепление.

– Как – не повезешь? – Потапов одной рукой ухватился за дверцу. – Мы же не задаром. По тройку с брата заплотим. Трижды восемнадцать – пятьдесят четыре. Заработать не хочешь, что ль?

– погоди! – Анатолий выключил зажигание. – Давай по пятерке – повезем.

– Много больно, – замялся Потапов.

– Не хочешь, как хочешь. Поехали, Гошка.

– По четыре, – набавил рыжий и рыхлый каменщик Валентин. Он был в милицейских галифе и в белых тапочках.

– По четыре с половиной, – предложил Анатолий. – И то себе в убыток.

– Ну и дерешь, – возмутился Потапов.

– Каждый свой интерес понимает, – процитировал его Анатолий.

– Ну и жох, – сказал, сдаваясь, Потапов. – Ладно, хлопцы,

поехали, а то тут машины не дождешься.

«Дефицитные люди» горохом посыпались в кузов. Открыв дверцу, Гошка сказал:

– Садитесь все вдоль бортов, а то еще повываете, отвечай за вас.

Проехав с полкилометра по грейдеру, машина свернула вправо на едва заметную степную дорогу и остановилась. Анатолий вылез на подножку и сказал, не обращаясь ни к кому в отдельности:

– Сейчас заскочим в бригаду. Там подборщик с осени остался, захватить надо. Мы бегом.

– Валяйте, – махнул рукой Потапов.

Машина снова тронулась в путь. По этой дороге машины ходили обычно только два сезона в году: во время уборочной и во время посевной. В остальное время дорога была пуста. Справа и слева, колеблемая тихим ветром, пыльно-зеленая волновалась пшеница. Скоро шабашникам стало скучно, и они решили петь песни.

Когда б имел златые го-оры, —

начал Валентин, и все подхватили:

И ре-еки, полные вина...

Шабашники пели нестройно, каждый старался всех перекричать. Анатолий прислушался.

– Поют? – спросил он.

– Поют, – подтвердил Гошка.

Когда спидометр отсчитал двадцать километров, Гошка посмотрел на Анатолия:

– Пожалуй, хватит.

– Давай еще, – сказал Анатолий. – Что тебе, бензину жалко?

– Нет, хватит, – сказал Гошка.

Машина медленно взбиралась на большую гору, похожую на верховое седло. Шабашники, сидя вдоль бортов, пели. Валентин, покраснев от натуги, вытягивал шею, и его писклявый бабий голос выделялся среди всех остальных. Потапов одной рукой придерживал велосипед, который лежал посредине и подпрыгивал на ухабах. Вдруг мотор зачихал, захлопал, и машина остановилась, немного не доехав до вершины сопки. Гошка и Анатолий выскочили из кабины и открыли капот.

– Карбюратор, – сказал Гошка.

– Трамблер, – возразил Анатолий. – А ну-ка ты, – обратился он к Валентину, – у тебя силы много. Покрути ручку.

Валентин крутил до тех пор, пока не взмок от пота. Потом крутили все остальные.

– Придется толкать, – сказал Анатолий, забираясь в кузов. – Я буду командовать. Раз-два, взяли!

Шабашники облепили машину, как мухи горшок со сметаной.

– Еще – взяли!

У Валентина от напряжения вздулись на шее жилы, и конопатое лицо его омылось румянцем. Бригадир Потапов шел бочком, упираясь в кузов одной рукой, осторожно, словно боялся прилипнуть.

– Ты, начальник, не стесняйся, – сказал ему Анатолий, – здесь все свои. Вот видишь, сама идет, только толкай.

Подталкиваемая тридцатью шестью руками, машина медленно перевалила через гребень сопки и, быстро набирая скорость, покатила под уклон.

– Стой, – устало махнул рукой Потапов. – Стой! – крикнул он, видя, что машина все удаляется.

– Стой! – заорали хором шабашники, и бабий голос Валентина снова перекрыл все остальные.

Валентин первый понял, что их обманули, и, работая локтями, побежал за машиной. Его рыжие волосы упали на лоб, придавая лицу выражение свирепости. За Валентином, широко расставив руки, бежал Потапов. За ними валили толпой все остальные.

Анатолий, стоя в кузове, поднял над головой измятую кепку:

– Привет бригаде коммунистического труда!

Впрочем, вряд ли те, к кому он обращался, могли его услышать.

У подножия сопки Гошка остановил машину и, вскочив в кузов, помог Анатолию сбросить на землю вещи шабашни-

ков. Они торопились и один ящик бросили неосторожно, из него вывалились на дорогу топор, рубанок, ножовка и прочий плотницкий инструмент.

Последним полетел с кузова велосипед бригадира. Он ударился о землю, высоко подпрыгнул и, свалившись набок, прочертил рулем полосу в дорожной пыли.

– Поехали, – скомандовал Анатолий. – А то догонят, на костыляют по шее.

Шабашники, размахивая руками, бежали с сопки, и уже совсем близко мелькали белые тапочки Валентина, когда машина тронулась и, обогнув сопку снизу, ушла по направлению к грейдеру.

– Небось рады, что мы с них денег не взяли вперед, – сказал Анатолий.

Несмотря на то что Гошка приехал на станцию рано, там уже была очередь на погрузку. Гошка поставил машину в хвост колонны и сел на подножку читать учебник. Просмотрев все страницы, он понял, что уже все равно ничего не успеет выучить, и ему оставалось только надеяться на учительницу, которая, по слухам, ставила тройки за одно только знание алфавита. «Как-нибудь, – думал Гошка. – Все сдал, а уж немецкий...»

Когда подошла Гошкина очередь, он поставил машину под погрузку и отдал накладную хромому заспанному мужику. Тот долго держал накладную в корявых пальцах, рассматривал ее и, возвращая Гошке, сказал:

– А почему не подписано?

– Как не подписано?

– А вот не подписано. Видишь: «Подпись руководителя учреждения» – председателя, значит. Где она?

– Что ж делать?

– За подписью надо ехать. Давай освобождай место, другие ждут.

– Слушай. Ну председатель потом приедет, подпишет.

– Потом и получишь. Освобождай место.

Он был неумолим.

Гошка плюнул, заехал в ближайший переулок и нарисо-

вал на накладной несколько крючков и закорючек. Вышло довольно убедительно. Гошка вернулся на станцию.

– Так быстро? – удивился завскладом.

– Встретил его, ехал в райком, – сказал Гошка.

– Ну вот видишь, как хорошо получается. Открывай борт.

Хотя грузчики работали быстро, в школу Гошка все-таки опоздал. Экзамены уже кончились. Гошка встретил учительницу, когда она с маленькой сумочкой и букетом цветов выходила из класса. Это была не та учительница, о которой ходили такие добрые слухи, а другая – молодая, высокая, с пышной прической. Несмотря на свою молодость, учительница была закоренелой пессимисткой. Все ученики, по ее мнению, были неисправимыми лодырями.

– Экзамен уже окончен, – сказала она.

– А как же быть? – спросил Гошка.

Учительница равнодушно пожала плечами:

– Надо было раньше думать. Для чего-нибудь другого вы бы нашли время. А для экзаменов у вас его нет.

– Ну как же, я ведь готовился-готовился, – сказал Гошка, идя следом. – Может, примете, а?

То ли голос его звучал очень жалобно, то ли была для этого другая причина, но учительница остановилась и сказала:

– Не знаю, что с вами делать. Я уже ключи отдала уборщице.

– Я сейчас возьму, – сказал Гошка и, не дожидаясь ответа, побежал искать уборщицу.

Учительница вошла в класс, положила на стол цветы, сумочку, достала из сумочки папиросу и сунула Гошке словарь:

– Переведите отсюда досюда.

Сама закурила и села на краешек парты у окна. Гошка трудолюбиво листал словарь.

– Ну что? – спросила учительница через несколько минут.

– Сейчас.

– Хорошо.

Подождала еще минуты три.

– Кончили? Нет? Сколько же вы перевели? Четыре строчки? Можно бы и больше, если вы усердно готовились. Ну хорошо, читайте. Так. Так. Это слово пишется так: лейбен. Читаете вы, надо прямо сказать, неважно. Ну а что вы еще знаете из области немецкого языка? Основные формы модальных глаголов знаете? Не знаете? Скажите основные формы глагола «лерен».

– Лерен, лерте, гелерт.

– Правильно. Немен?

– Немен, немте, генемт, – охотно сказал Гошка и доверчиво посмотрел на учительницу.

– И это называется – вы знаете предмет, – с горечью вздохнула учительница. – Неправильно. Немен, нам, геномен. Не понимаю, зачем государство дает вам месячный отпуск.

– У меня не было отпуска.

– Ну да, вы – исключение.

Учительница взяла со стола цветы и сумочку и направилась к выходу, торжественно неся свою красивую голову с пышной прической.

– Может, я пересдам? – идя за ней, нерешительно попросил Гошка.

– Конечно, пересдадите. Осенью, – ответила учительница, не оборачиваясь.

Звездный вечер стоял над Поповкой, и луна, расколотившись, лежала в Ишиме. Гошка осветил спичкой часы и пошел домой. Он шел вдоль берега, раздвигая кусты, пушистые листья скользили по его щекам. У песчаной излучины против бани Гошка хотел свернуть к дому, но услышал девичьи голоса. Гошка раздвинул кусты и увидел Лизку, которая, сцепив руками колени, сидела на бугре. Кто-то барахтался на середине реки.

– Эй, Лизка! – услышал Гошка Санькин голос. – Давай купаться!

– Холодно! – отозвалась Лизка.

– Глупая! – плывя к берегу, крикнула Санька. – Вечером вода всегда теплее!

Она подплыла к берегу и, все еще разводя руками, стала выходить из воды.

Гошка хотел выйти к девушкам, но передумал. Санька спросит, с чем поздравить. А с чем его поздравлять? Он притаился в кустах. Санька вышла и остановилась возле Лизки.

– Боишься? – спросила она. – А мне хоть бы что. Ниско-

лечко не холодно.

– У тебя кровь горячая, – сказала Лизка.

Санька не спеша вытиралась. Осыпанная светом луны, она видна была смутно и в то же время отчетливо. Настолько отчетливо, что Гошке казалось: он видит, как с ее ступней сбегают в песок нестойкие капли воды.

– Красивая ты, Санька, – вздохнула Лизка. – С таких, как ты, наверно, картины рисуют.

– Правда, красивая?

– Правда, – сказала Лизка.

Санька тихонько засмеялась, а потом сказала грустно:

– Красивая, да смотря для кого.

– Все об Гошке своем переживаешь, – сказала Лизка. – А чего об нем переживать? Мало разве других парней?

– Парней много, – сказала Санька, – а Гошка один.

– Все они одинаковые, – сказала Лизка. – Вот Аркаша у меня... Вчера сидим на крылечке, он вот так взял за плечи: «Поцелуй, говорит, меня». – «А я, говорю, не умею целоваться». – «Ну, говорит, я тебя поцелую. Можно?» – «Можно, говорю, только осторожно». – «А больше, спрашивает, ничего не можно?» – «Ишь ты, говорю, какой быстрый. Ты, говорю, это брось, не на ту попал». – Лизка усмехнулась. – Они ведь, мужики, все такие. Лишь бы обмануть. А ты ходи потом мать-одиночкой, это его не касается. Но меня не обманешь. Я ведь таких насквозь вижу. – Лизка засмеялась, потом сказала: – С ихним братом знаешь как надо? Сначала

его замани. Делай вид, будто на все согласная. А как до чего дойдет, придерживай.

– И долго? – насмешливо спросила Санька.

– Долго, – деловито ответила Лизка, – до самого загса. И вся любовь.

– Это не любовь, – вздохнула Санька. – Это морока. Пойдем, что ли? Завтра рано вставать.

Санька натянула на себя прилипающее к телу платье и пошла впереди, неся в руках белые тапочки. Гошка подождал еще немного и вышел из кустов.

Как-то после обеда Иван ходил по деревне и, показывая всем большой екатерининский пятак, хвастался:

– Вот поеду в Акмолинск. Машину куплю, буду ездить, как председатель.

Оказалось, что за этот пятак Иван продал цыганам колхозную корову. Цыган догнали, корову отобрали, а пятак остался у Ивана. Только с того дня мальчишки не давали пастуху прохода. Они ловили его где-нибудь на улице, и кто-нибудь самый бойкий допрашивал: «Иван, ты зачем продал цыганам корову? Вот я возьму тебя за верхнюю губу и отведу в милицию». Иван прятал верхнюю губу за зубы. «Ничего, я тебя за нижнюю отведу». Иван пытался спрятать и нижнюю, но это ему не удалось, и он, сжав кулаки, молча бросался на своих обидчиков. Те, визжа и хохоча, разбегались врассыпную.

Но потом эту историю забыли даже мальчишки, и единственный, кто ее помнил, был Тюлькин.

В этот день Тюлькин открыл склад поздно и, сидя за деревянной перегородкой, ожидал, не придет ли кто за продуктами. Но никто не шел. Тогда Тюлькин повесил на двери склада большой висячий замок и присел на оглоблю поломанной брички, что стояла во дворе. На свежем воздухе сидеть было приятно. Тюлькин вытащил из бокового кармана четвертинку и стограммовый стаканчик, поболтал остатки, выпил, не

закусывая, и бросил бутылку на кучу опилок, чтобы не разбилась. Закурил. Глядя на черную свинью, что рылась в корыте посреди двора, он думал о смысле жизни. «Вот, – думал он, – жрет свинья. А зачем жрет? Чтоб жирней быть. Разжиреет, скорей зарежут. А ведь небось тоже жить хочет». Не хотел бы Тюлькин быть свиньей. Ведь свинья только для того и живет, чтобы ее зарезали. Подрастет, откормится, потом ее под нож и за заднюю ляжку на крюк. У Тюлькина таких крюков двенадцать штук в балку вбито.

Тюлькин перевел взгляд со свиньи на дорогу и, увидев на ней Ивана, понял: коров пригнали, значит, время уже – обед. Увидев, что Иван идет к складу, догадался: тридцатое число. Пастуху, кроме трудодней, выписывали на каждый день литр молока и сто граммов сала. За салом Иван приходил в последний день каждого месяца, брал сразу три килограмма.

– Тюлькин, сало есть? – спросил он, подходя.

– На что тебе сало?

– Кушать буду.

– Куша-ать. У тебя вон губища какая – за все лето не сжуешь.

Иван, насколько это было возможно, поджал губы и, помолчав, напомнил:

– Тюлькин, давай сало.

– Ну ладно, – согласился Тюлькин. – Спляши барыню, тогда получишь.

Иван стоял не двигаясь.

– Ну чего ж ты? Давай, давай, а то останешься без сала.

Иван постоял, подумал и стал нерешительно перебирать ногами.

– Ну, ну, быстрее, – подзадоривал Тюлькин.

Иван задвигал ногами быстрее. Это была не пляска, а какие-то нелепые прыжки, лишённые смысла и ритма. Иван уже полдня гонялся в поле за коровами и особенно за телятами, которые чуть что поднимали хвосты трубой и разбегались в разные стороны. Поэтому сейчас он быстро уморился. Пот струйками тек с висков, со лба, затекал в глаза. Не останавливаясь, Иван скинул с себя казахскую лохматую шапку, расстегнул гимнастерку и продолжал подпрыгивать на месте, широко открыв рот и бессмысленно пуча глаза. Тюлькин угрюмо подбадривал:

– Давай, давай, работай, зарабатывай на сало.

Он смотрел на ноги Ивана и думал: «Хорошо быть дурачком, было бы чего поесть да где поспать, а там хоть трава не расти. И обижай его – не обидится, потому что дурак».

Гошка шел мимо склада в магазин за папиросами. Он случайно увидел пляшущего Ивана и подошел поближе.

– Давай, давай, – подбадривал Тюлькин, – вот и Гошка хочет посмотреть. Хватит барыню, давай русского. Вот так, да побыстрей, а то сало не получишь.

– Опять балуешься, Тюлькин, – сказал Гошка и повернулся к Ивану: – Иван, перестань плясать.

Иван перестал. Поднял с земли шапку и дышал тяжело,

по-рыбьи. Тюлькин посмотрел на Гошку, потом на Ивана и после некоторого молчания спросил:

– Ну, чего стал?

– Давай сало, – сказал Иван.

– А чего стал?

– Гошка сказал.

– Ну и проси у него сало, – подумав, посоветовал Тюлькин и, поднявшись, пошел прочь.

Гошка схватил его за рукав:

– Дай человеку сало.

– Вот ты и дай. Ты ведь начальник. Министр!

– Дашь сало?

– Не дам.

После выпивки Тюлькин становился храбрым.

У Гошки задрожали пальцы, и кровь отошла от лица. Он сжал пальцы в кулак и двинул им Тюлькину в подбородок. Тюлькин прошел спиной вперед шага четыре и, споткнувшись, сел в пыль посреди двора возле свиного корыта. Свиныня, испуганно хрюкнув, отбежала в сторону, потом зашла с другой стороны и снова принялась чавкать.

– Ну ладно, – сказал Тюлькин, трогая рукой подбородок. – Я тебе, Гошка, это припомню.

Он поднялся, сплюнул кровь с прикушенного языка и пошел прочь.

– Пойду скажу Петру Ермолаевичу, пусть он тебя на пятнадцать суток оформит.

– Сначала дай Ивану сало, а потом пойдешь жаловаться.

Тюлькин, не отвечая, прошел мимо. Гошка опять схватил его за рукав:

– Открой склад.

Тюлькин посмотрел Гошке в глаза и понял: надо открывать. Вечером к Гошке зашел Пятница. Сняв шапку, пригладив ладонью пушок на голове, он сказал:

– Ты что ж это, Яровой, рукоприкладством занимаешься?

– Каким рукоприкладством?

Гошка сделал вид, что не понимает, о чем речь.

– Ну как каким? Вот Тюлькин жалуется, что ты его по физиономии съездил. Говорит: «В суд подам». Как же это получается? Я, конечно, на Отечественной не был, врачи в армию не пустили, но у нас в Первой Конной за это знаешь что делали? Не знаешь? А я вот тебе скажу: у нас за это... – Он долго думал, что в таких случаях делали в Первой Конной, но, так и не вспомнив, закончил: – У нас за такие дела по головке не гладили.

Гошка нахмурился:

– А что у вас делали в Первой Конной, если кто-нибудь издевался над раненым или больным?

– То есть как это – издевался? Что мы, деникинцы, что ли? У нас такого не было.

– А у нас было.

– Что было? Расскажи.

Гошка рассказал. Теперь нахмурился председатель.

– Да, брат, – сказал он, – в Первой Конной за такие дела, пожалуй, к стенке поставили б. Ну а как сейчас время не военное, то по морде, наверно, хватит.

Уходя, Пятница остановился в дверях и на всякий случай сказал:

– А вообще, Георгий, ты руки-то не особенно распускай. Не боксер.

Утром возле правления к Гошке подошел Иван и, протянув свой знаменитый пятак, сказал застенчиво:

– На, возьми.

– Зачем? – удивился Гошка.

– Машину себе купишь. Ездить будешь, как председатель.

В следующую субботу Илья Бородавка повесил на щите перед клубом афишу, извещавшую всех проходящих мимо, что в девять тридцать вечера в клубе начнется вечер молодежи. В программе – танцы под радиолу. Из всех видов культурно-просветительной работы Илья Бородавка пользовался в основном двумя: танцами и кино.

На должности заведующего клубом Илья оказался совершенно случайно. В прошлом году бывшая завклубом неожиданно вышла замуж за городского учителя и уехала. Полторы недели клуб был закрыт, и как раз в ту пору, когда с полевых станов все уже съехались в село. Из района никого не присылали. Молодежь роптала. Тогда председатель на очередном собрании колхозников спросил, не хочет ли кто занять освободившуюся должность. Все молчали. Знающих это дело людей не было, да и маленькая зарплата заведующего никого не устраивала. Наконец поднял руку счетовод Илья Бородавка и сказал тихо, но решительно, как будто шел добровольцем в опасную разведку:

– Я. Разрешите мне пойти.

Ему разрешили. Все были довольны. Правда, председатель сказал, что Илья на должность назначается временно, пока не пришлют кого-нибудь с образованием, однако всем было ясно, что с образованием никого не пришлют.

Илья взялся за дело со всей решительностью. Отремонтировал сцену, кинобудку, поставил несколько новых скамеек, а самое главное – потребовал у колхоза денег на покупку нового рояля. Рояль купили. Но так как никто не умел на нем играть, инструмент стоял без дела в глубине сцены. Илья сам стирал с него пыль, а чтобы никто без толку не стучал по клавишам, положил на крышку табличку: «Руками не трогать!» Эта заповедь была священной, и никто не решался прикоснуться к дорогому инструменту, кроме самого Ильи, который изредка, когда в клубе никого не было, открывал крышку, трогал наугад какой-нибудь клавиш и, приложив ухо к роялю, долго прислушивался к затихающему звучанию струн.

В этот день Гошка поздно вернулся из Актабара и, не заезжая ни домой, ни в гараж, остановился возле клуба. Так, в замасленных брюках, гимнастерке, кое-как очистив сапоги о скобу, прибитую возле крыльца, он вошел в клуб. Танцы были в полном разгаре. Вся молодежь была в клубе. Хромовые сапоги Аркаши Марочкина осторожно поскрипывали рядом с Лизкиными танкетками. Среди танцующих были две девушки-студентки, приехавшие из города на каникулы. Девушки эти танцевали только вдвоем и только «стилем». Во всяком случае, они сами так говорили. Должно быть, в городе, где они жили, девушки никогда не были «стилягами», но уж очень заманчива перспектива выглядеть в родной деревне по-иностранному.

– Гошка, привет!

Это крикнул Анатолий. Он танцевал с фельдшерницей Азалией, женой тракториста Степана Дорофеева. Сам Степан возле стены играл на маленьком столе в бильярд. Когда подходила его очередь, Дорофеев прикладывался к кию небритой щекой, долго целился, как из ружья, и бил каждый раз мимо. Потом отдавал кий напарнику, а сам ревниво глядел туда, где его жена танцевала с Анатолием.

Потом стали играть в почту. На блузках и пиджаках танцующих появились бумажные номерки. К Гошке подошел Илья Бородавка и тоже вручил номерок. Гошка приколот его к гимнастерке и почти тут же получил анонимку: «№ 27 в личные руки. Вам шлет чистосердечный пламенный привет молодая и прекрасная принцесса».

Гошка посмотрел в глубину зала. «Молодая и прекрасная принцесса», отворачиваясь, смущенно сверкнула «фиксой».

Гошка танцевать не умел, и делать ему в клубе было нечего. Он пришел с единственной целью – увидеть Саньку. Но Саньки не было. Гошка, постояв еще немного возле бильярда, стал пробираться к выходу. Именно в это время он увидел Саньку. Она вбежала в клуб в светлом платье, раскрасневшаяся и запыхавшаяся. И тут же к ней подлетел незнакомый парень из строительной бригады, недавно присланной из района. Он хотел, видно, пригласить Саньку на танец, но неожиданно между ним и Санькой встал Анатолий. Он что-то сказал Саньке, потом парню. Санька улыбнулась и поло-

жила руку на плечо Анатолию. Все это Гошка видел изда- лека. Он стоял возле стены и смотрел, как легко и свобод- но кружит Анатолий Саньку, и в это время завидовал свое- му другу. Вот они прошли почти полный круг и подошли к Гошке. Анатолий взял Саньку под руку и, подведя ее к Гош- ке, сказал:

– Ну а теперь вы станцуйте вдвоем, а то у меня нога что- то заболела.

– Я не умею танцевать, – сказал Гошка и покраснел, сам не понимая почему.

– Врет, – сказал Анатолий Саньке. – Танцует лучше всех. Балеймейстер.

Они прошли два круга. Гошка танцевал первый раз в жиз- ни. Он держал Саньку за талию, стараясь это делать легко и свободно, и все-таки ему казалось, что держится он за го- рячий утюг. Кроме того, не получалось самое главное. Его кирзовые сапоги казались ему огромными, как пароходы. Он все время боялся наступить Саньке на ногу и смотрел вниз.

– Не смотри под ноги! – сказала Санька.

Но не смотреть он не мог. Ему было страшно. Его спасла сама Санька. Когда они проходили мимо дверей, она сказала:

– Выйдем на улицу. Жарко.

Минут через двадцать из клуба вышла Лизка. Утираясь платком, она увидела стоявшую в стороне машину. В каби- не кто-то сидел, кто-то смеялся, кто-то целовался в кабине. Лизка из любопытства прислушалась к смеху и узнала Гош-

ку и Саньку. Лизка вернулась в клуб. Аркаша пригласил ее на танго. Лизка танцевала, и выражение грустной задумчивости не сходило с ее лица.

– Ты чего? – вглядываясь в ее лицо, спросил Аркаша.

– Ничего, – сказала Лизка, – ничего. – И вздохнула.

«Нешто так можно, с первого вечера», – подумала она осуждающе.

10

– Ну чего, хватит, что ли, месить? – Лизка вышла из круга и выставила вперед вымазанную в глине ногу. – Саня, слейка, ноги помою. Да не сильно лей-то, а то еще раз к колодцу бежать...

Санька осторожно наклонила ведро. Струйка воды побегала по Лизкиной ноге и, смешиваясь с глиной, стекала на землю.

– Вчера Степан Дорофеев меня на мотоцикле катал. Только из-за магазина выскочили, и свет в аккурат на мельницу попал. А там двое как вскочат да как шарахнутся за мельницу! Парень с девкой. Кто б это, думаю, был, а? – Лизка скосила глаза на Саньку.

– Что у тебя за шпионские замашки, – поморщилась Санька. – Знаешь, что мы с Гошкой были. Ну и что?

– А чего это вы там делали?

– Да ничего не делали. Сидели и разговаривали.

– Девушки, скажите, пожалуйста, как пройти к правлению?

На дороге с чемоданом в руках стоял незнакомый, городской, судя по одежде, парень. На нем были простроченные из простой ткани брюки, которые в городах называют джинсами, желтая в клеточку рубашка навывпуск.

– А вам кого надо? – любопытствовала Лизка.

– Ну кого... председателя, что ли.

– А-а. Ну, пойдешь, значит, прямо, потом налево, потом опять прямо, тут тебе по праву руку и будет правление.

– Спасибо.

Парень пошел.

– А председателя-то в конторе нету. Его раньше вечера не поймаешь! – крикнула Лизка вслед приезжему и посмотрела на Саньку. – Кто такой, как думаешь?

Санька пожала плечами. Лизка проводила парня долгим взглядом и опять повернулась к подруге:

– Значит, вы там сидели и разговаривали?

– С кем?

– Ну с Гошкой-то.

– Не веришь? Честное слово, сидели и разговаривали.

– На мельнице? – усомнилась Лизка. – Поговорить, я думаю, и возле хаты на лавочке можно.

– Какая ты умная! – Санька вздохнула. – Ничего такого у нас не было.

– И не будет, – подставляя другую ногу, насмешливо поддержала Лизка.

– Будет или не будет, не знаю, а пока не было. Понимаешь, Лизка, боюсь я этого. Говорят, ребята после этого уже не любят. А вдруг Гошка меня разлюбит?

– Или бросит, – сказала Лизка.

– Нет, разлюбит.

– Ну это все равно, – сказала Лизка. – Что разлюбит, что

бросит – все равно.

– Нет, Лизка. – Санька поставила ведро на землю. – Самое страшное – когда разлюбит. А там уж бросит или не бросит...

Утром Илья Бородавка пришел в клуб и заперся в библиотеке. От нечего делать занялся перестановкой книг. Каждую книгу он снимал с полки, обтирал байковой тряпкой и ставил на прежнее место. Увлеченный этим занятием, он не сразу услышал, что кто-то играет на его любимом рояле. Илья прислушался. Нестройные звуки неслись из клуба. Илья почувствовал, что внутри его что-то оборвалось. С тряпкой в руках он вбежал в клуб. Какой-то парень в узких брюках и широкой клетчатой рубашке навывпуск («Должно быть, стилига», – подумал Илья) сидел за роялем и бойко барабанил по клавишам всеми десятью пальцами. Илье было бы легче, если бы его самого стукнули по голове. Он подошел к парню и вежливо сказал:

– Молодой человек, на инструменте разрешается играть только музыкантам, которые умеют.

При этом Илья поднес ко рту руку и кашлянул в кулак, должно быть, для внушительности.

– А я немножко умею, – сказал неуверенно парень. Илья с сомнением посмотрел на его короткие пухлые пальцы и сказал:

– Что-то не верится. А ну исполните что-нибудь.

– А что именно?

– Полонез Огинского.

Это было единственное произведение из всей классической музыки, которое знал Илья.

Парень пожал плечами и ударил по клавишам. Сначала пальцы его ходили медленно, как бы нехотя, но потом они стали работать все быстрее и быстрее, и Илья уже не успевал следить за ними. Иногда парень высоко взмахивал рукой и с размаху ударял по клавишам.

– Да, – сказал Илья восхищенно. Он готов был проследить от умиления. – А я подумал, что вы стилияга, – виновато признался он. Помолчал и спросил нерешительно: – А фокстрот какой-нибудь вы тоже умеете?

А потом в клуб пришел председатель. В последние дни его мучили приступы ревматизма, и он ходил, опираясь на палку. Увидев незнакомого молодого человека, председатель решил, что это, должно быть, из обкома комсомола. «Опять какая-нибудь проверка», – недовольно подумал он. Однако он никак своего недовольства не проявил и, протянув гостю руку, представился:

– Пятница.

– Корзин, – ответил парень. Потом подумал и уточнил: – Вадим.

– Культуру проверять? – полуутвердительно спросил Пятница.

– Нет.

«Заливает», – подумал Пятница и на всякий случай стал

рассказывать приезжому, какая работа по части улучшения культурно-просветительной работы ведется в Поповке и в целом по колхозу.

– Вы меня, очевидно, принимаете за кого-то другого, – перебил Вадим. – Я приехал сюда работать. Мне посоветовали в ваш колхоз.

– В наш колхоз? А-а, – догадался председатель, – молодой специалист? Агроном?

– Нет.

– Зоотехник?

– Нет.

Пятница перебрал в уме еще несколько специальностей и посмотрел на гостя.

– Ну а кто же ты?

– Я? Так просто... человек.

– Ну а все-таки?

– Я из Москвы... Учился в институте...

– Исключили?

– Нет, сам ушел.

– Зачем?

– Не знаю. Хочу поработать.

– Понятно, – сказал Пятница. – Нужен жизненный опыт.

– Откуда вы знаете? – удивился Вадим.

– Знаю, – сказал председатель. – Не ты первый, не ты последний. К нам сюда многие приезжают. – Он выдержал паузу. – Потом уезжают. Я для них в конторе расписание

поездов повесил. Будет нужда, заходи, посмотришь. А пока устраивайся, куда-нибудь определим.

Всей деревне было известно, что в свободное время Илья Бородавка пишет стихи. Писать Илья начал, можно сказать, по необходимости. Вот уже лет пять он был бессменным редактором стенгазеты. А так как никому до газеты не было дела и никто не писал для нее заметок, Илья решил собственными силами сделать ее интересной и содержательной. Так с некоторого времени в газете стали появляться стихи за таинственной подписью «Фан Тюльпан». Илья вывешивал газету в коридоре клуба и в полуоткрытую дверь библиотеки ревниво следил за тем, как относятся к его творчеству читатели. Читатели читали, усмехались, а встречая завклубом, любопытствовали:

– Кто это у нас, интересно, поэт такой?

– Знаем, где взять, – отвечал Илья хотя и некстати, зато загадочно.

Примерно месяц тому назад Илья собрал несколько своих лучших, по его мнению, стихотворений и отправил в столичную газету с таким письмом:

«Дорогая редакция!

Я, Фан Тюльпан (настоящее фамилие Бородавка), посылаю вам несколько своих произведений на сельскохозяйственную тематику. Буду рад увидеть их на страницах печати вашей газеты. Сам я рождения

двадцать седьмого года и заведую клубом в селе Поповка. Являюсь редактором стенной газеты. В заключение разрешите выразить надежду на ваше благополучное внимание.

Остаюсь Илья Ефимович Бородавка».

Как только приходила почта, Илья брал нужную газету, запершись в библиотеке, просматривал ее и оставался разочарованным.

Писал Илья, будто глыбы ворочал, – потел, пыхтел, но все-таки ухитрялся сочинять в день по два, по три, а то и по четыре стихотворения. Написанное складывал в бумажный мешок и хранил его под кроватью.

Вернувшись после разговора с Вадимом из клуба, Илья сел за стол и минут за пятнадцать написал стихотворение. Он даже сам удивился такой быстроте. Перечитав стихи и поправив на ходу одну строчку, Илья пошел за женой, которая при свечке чистила курятник.

– Слышь, Пелагея, – сказал он, встав в дверях, – иди в хату, стих расскажу.

Пелагея поставила в угол ведро и лопату, загасила свечу и послушно пошла за мужем.

– Вот, слухай, – сказал Илья, – «Подруге жизни Пелагее Бородавке – тебе, значит, – этот стих посвящает автор:

Я помню чудное мгновенье,

Я шел по улице тогда,

И ваши очи голубые

Взглянули ласково в меня.
И понял я, что жизнь наша
Всегда имеет два пути...»

Пелагея легла на стол засаленным животом, подперла голову, смотрела в окно и думала о своем. Вот уже шесть лет, как они с Ильей расписаны, а детей все нет и нет. Соседка Татьяна восьмерых родила, троих рожать отказалась – лишние, видать. А тут хоть бы один... В прошлом году ездили в город к врачу специальному. «Ничего, говорит, у вас нет, дети должны быть». Татьяна вчера приходила, посидела, семечки поплевала. «Чего-то, говорит, хочется еще родить. Пузо поносить хочется». А Пелагее разве не хочется?

...И я сказал вам: «Здравствуй, Паша,
Я долго ждал вот здесь тебя...»

В дверь постучали. Илья недовольно поморщился и, закрыв тетрадку, пошел открывать. Вошла Яковлевна. Села к столу, развязала ситцевую хусточку:

– Дуже душно. Там, у клуби, якийсь чи поет, чи поёт, в общем, вирши читае.

– Вадим, наверно? – встрепенулся Илья.

– Ну да, мабуть, Вадим. Той студэнт, шо прыхав. Я ходыла грабли шукать. Мои вчора стоялы биля сарайчику, а сьгодні вышла сино сгрэбать, дывлюсь – нэмае. Чи пацаны утяглы, чи шо. Пишла я до Павла-баптиста. «Дай, кажу, Пав-

ло, грабли на пивчаса, бо мои дэсь дилысь». А вин: «С сожалением, каже, дав бы, но самому зараз нужни». Бреше як собака. Ни разу из хаты нэ выйшов. Пиду, думаю, до Гальченка, у нього попрошу. А Гальченка дома нэма, и собака коло двору бигае. Ну, я повэрнулась тай назад. Трэба, думаю, в клуб зайты. Зайшла так, стала биля двэрэй, а той студэнт вирши читае. Шось такэ про любовь.

Илья схватил кепку и побежал к дверям.

– Ты куда? – спросила Пелагея.

– Сейчас приду, – сказал Илья.

В клубе возле сцены стоял окруженный колхозниками Вадим и, выбрасывая вперед правую руку, читал:

Мы в угольных шахтах потели,
 Пилили столетние ели.
 Мы к цели брели сквозь метели,
 Глотая махорочный дым.
 Фуфаек прокисшая вата
 Мне тоже знакома, ребята.
 Привыкли кирка и лопата
 К рабочим ладоням моим.

– Здорово протаскивает! – сказал восхищенно Марочкин.

– Я чего-то не понял, – сказал стоявший рядом с Марочкиным Анатолий. – Это кто там в шахте потел? Ты, что ли?

– Нет, не я, – смутился Вадим. – Нельзя так буквально понимать стихи. Я – это мой лирический герой.

– А я думал, ты – это ты и есть, – сказал Анатолий.

– Ну это все равно что я. Это мой внутренний мир.

– А я думал, ты и снаружи такой, – разочарованно сказал Анатолий, и все засмеялись.

Только Гошка дернул Анатолия за рукав и сказал тихо:

– Брось, зачем ты?

Илье стихи Вадима очень понравились. «До чего склад-

но, – подумал он с завистью. – Мне бы так». С трудом протолкавшись к поэту, он попросил:

– Можно вас на минутку?

– Можно.

Они заперлись в библиотеке и в течение полутора часов вели секретный разговор, после которого Илья сбегал домой и, достав из-под кровати заветный лирический мешок, вернулся в клуб.

– Вот, – сказал он, передавая мешок Вадиму, – здесь все. Только смотри, чтоб ничего не пропало.

Илья шел домой, и настроенные у него были хорошие. Ему было приятно оттого, что он поговорил сегодня с таким интересным человеком. Все-таки образованный и пишет. И печатался в четырех газетах и одном журнале. Когда они сидели в библиотеке, Илья прочел Вадиму несколько своих стихотворений. Вадим стихи похвалил, но сказал, что на месте Ильи он писал бы прозу. Например, записки заведующего клубом.

– Опишите обычные свои трудовые будни. По-моему, это будет очень интересно и актуально.

Придя домой, Илья достал из тумбочки чистую тетрадь и написал на обложке:

«ДНЕВНИК

заведующего клубом

Илья Ефимовича Бородавки.

Начат в селе Поповка 14 августа 1960 года».

Илья открыл первую страницу и своим красивым почерком написал: «Сегодня в наше село Поповка прибыл молодой поэт. Он охвачен патриотическим подъемом убрать казахстанский миллиард...»

Дальше ничего не писалось. Илья посидел, поскреб обратной стороной ручки в голове и, ничего не придумав, лег в постель, к теплому телу жены.

Когда Вадим шел с мешком по улице, встретился ему Анатолий и спросил удивленно:

– Что несешь?

– Илья Бородавка, – сказал Вадим, вытягивая руку с мешком. – Собрание сочинений в четырех мешках. Мешок первый.

В заливных лугах за Ишимом косили сено. Гошка вез се-

но в Поповку. Машина была перегружена, и Гошка с тревогой замечал, что на ухабах передние колеса отрываются от земли. Подъезжая к мосту, он сбавил скорость, но это его не спасло. Мост был горбатый, и на самом въезде машина задрала нос и поползла назад. Гошка выжал сцепление и тормоз. Машина встала на задний борт и покачивалась. Река, Поповка, горизонт ушли вниз. Над ветровым стеклом висели облака. Гошка выругался и вылез из кабины.

Машина стояла на заднем борту и сушила на солнце передние колеса.

Подъехал Анатолий. Он обошел машину и почесал в затылке.

– Дела! А у меня и троса буксировочного нет.

В кабине у него сидел Вадим.

– Эй, Вадим! – крикнул ему Анатолий. – Сбегай в правление, пускай трактор сюда гонят.

Вадим вылез из кабины и нехотя затрусил в гору.

– Бегун, – глядя ему вслед, проворчал Анатолий. – Слушай, Гошка, ты зачем Саньке разрешаешь с ним по вечерам заниматься?

– А что? У них же репетиции.

– Репетиции... Смотри, дело, конечно, не мое...

– А что?

– Да ничего! Часто у них репетиции.

– Отстань.

В последние дни он почти не видел Саньку. Работала она

по-прежнему на стройке, где Гошка уже не бывал. А по вечерам Санька уходила в клуб и пела под аккомпанемент Вадима разные песенки. Времени для свиданий не было. Отчасти такое положение вещей Гошку даже устраивало – ему надо было готовиться к передаче немецкого. Но какая-то смутная, еще не осознанная тревога волновала и его.

Гошка поднял с земли щепочку и стал счищать налипшую на сапог глину. Потом разогнулся и увидел Саньку. Перепрыгивая через лужи, Санька бежала к реке. Косынка у нее развязалась, она на ходу сорвала ее с головы и бежала, размахивая косынкой, как флажком.

– Уф! – Санька перевела дыхание и посмотрела на Гошку. – А Вадим мне сказал, что ты совсем перевернулся.

– А ты испугалась?

Санька посмотрела ему в глаза.

Испугалась. Видно по ней. При чем здесь Вадим?

Гошка насмешливо взглянул на Анатолия.

– Чего ты на меня уставился? – спросил Анатолий.

– Ничего. Вон трактор идет.

От Поповки к реке торопился «ДТ-54». Из его кабины высовывалась кудрявая голова Аркаши Марочкина.

Как только начали убирать силос, Саньку перевели на новую работу – весовщицей на автомобильные весы. Теперь она часто виделась с Гошкой, потому что, перед тем как везти силос к яме, Гошка должен был заезжать взвешивать машину. Время было горячее, перекинуться словом некогда, и все-таки, издавек завидев Гошкин «ЗИЛ» с покореженным левым крылом, Санька радовалась, что вот опять она сможет увидеть его.

В этот день Гошке не повезло. С утра он проколол заднюю камеру, и, пока менял колесо, другие сделали уже по две ходки, а Павло-баптист успел сделать три. Смонтировав колесо, Гошка гонял машину на полной скорости, чтобы догнать других, но тут новая неприятность – сломался комбайн.

Когда в конце дня Гошка подъехал к весам, на них стояла машина из Кадырской автобазы. Шофер, здоровенный парень с выпирающей под майкой грудью, размахивая руками, спорил о чем-то с Санькой.

– Вот, – сказал он подошедшему Гошке, – на принцип идет. Одну ходку, говорю. За свое, что ли, боишься?

Сев в кабину, он сердито хлопнул дверцей, так что весы ходуном заходили, и укатил.

«Здорово Санька его, – въезжая на весы, подумал Гошка, – какой умный, ходку ему».

Санька поставила рычаг весов на защелку и, посмотрев в свой блокнотик, сказала неуверенно:

– Гоша, я тут что-то напутала. У тебя шесть ходок только?

– Правильно, – сказал Гошка. – Шесть.

– Как же это? У других по восемь, по девять...

– Так получилось. Я много стоял.

– Ну ладно, – сказала Санька и стала заполнять путевку. –

Восемь ходок хватит?

– Ты что? – Гошка вырвал путевку из ее рук. – Не надо.

– Ну а чего? Пускай, – просительно сказала Санька.

– Не надо, Саня, обойдемся.

– Как хочешь! – Санька обиженно поджала губы. – Я хотела как лучше.

– Разве так можно, Саня? – сказал Гошка и взял Саньку за локоть. – Ведь ты ему вон не приписала.

– Так то ж ему... – сказала Санька и расплакалась. – Так то ж ему... Проезжай давай. Не мешай работать.

Накануне концерта художественной самодеятельности Санька и Вадим поздно задержались в клубе. Ушли участники хора, ушли трое исполнителей одноактной пьесы про лодыря «Баранчук проснулся», а Вадим еще долго сидел за роялем и заставлял Саньку повторять то ту, то другую строчку «Подмосковных вечеров».

– Ты пойми, это твой коронный номер. Ты должна исполнить это с блеском. Ты должна исполнить это не хуже, чем... – он назвал фамилию известной певицы.

– Сравнил! – сказала Санька. – Она певица, а я кто?

– Горшки обжигают не боги, – сказал Вадим, – надо работать! Способности у тебя есть.

Он закрыл крышку рояля, и они вышли в коридор. Санька смотрела, как Вадим возится с дверным замком, все никак не может закрыть его. Станный человек этот Вадим. Он ни к чему не приспособлен, ничего не может. Его сейчас поставили работать грузчиком на силосе, эта работа выматывает его, но вечером он аккуратно приходит на репетиции и занимается в клубе допоздна. Он не похож ни на Гошку, ни на Анатолия, ни даже на тех летчиков, которых она знала в своем городе.

Вадим говорит туманно и, наверно, поэтому красиво. И его хочется слушать. Он много знает. И совсем непонятно,

зачем он сюда приехал и что ему здесь надо.

– Пойдем!

Вадим наконец справился с замком. Они вышли на улицу.

– Смотри, – сказал Вадим и остановился.

Санька оглянулась вокруг, но ничего не увидела.

– «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит», – с чувством прочел Вадим. – Красиво. Люблю ночную степь. Ты знаешь, когда я учился в школе, мы ходили в турпоходы. Больше всего, Саня, я любил ночные привалы. Пылает огонь, трещит хворост, и искры уносятся в синюю тьму. Сейчас бы пойти в поход. Далеко. Километров за сто. И чтобы вокруг ни деревни, ни человека – никого и ничего.

По улице мимо клуба шли парни с гармошкой. «Увидят с Вадимом, сплетен будет...» – подумала Санька и заторопилась.

– До свидания, Вадим, я пойду.

– Уже уходишь? – грустно спросил Вадим. – Хочешь, я тебя провожу?

– Нет, нет, я сама.

Она пошла домой и думала о Вадиме. Зачем здесь живет этот парень? Хочет в поход ходить. На сто километров. Санька не слышала, чтобы у кого-нибудь из ее знакомых возникло такое желание. Вот хоть бы у Гошки. Гошка... Конечно, он прав в этой ссоре. Но Саньке тоже не хотелось сдавать позиции. И вот уже четыре дня они не разговаривают. И опять виновата она. Гошка раза три пытался заговорить, но

Санька каждый раз становилась глухой. Гошка ездил злой и измученный. «Надо будет завтра мне помириться с ним», – подумала Санька и ускорила шаги. Пора было спать.

Над Поповкой плыли облака, настолько тонкие и прозрачные, что сквозь них просвечивали звезды. Дядя Леша расправил в бричке слежавшееся сено и, улегшись на него, положил рядом с собой ружье-централку. Спать не хотелось. Сегодня было заседание правления, и на нем решили платить колхозникам от шестидесяти лет и старше пенсию, как на производстве.

Яковлевна, которая рассказала об этом дяде Леше, насчет размера пенсии ничего толком не знала. Вроде бы должны платить по тридцать трудодней в месяц да еще надбавка за выслугу лет. За двадцать пять лет – десять процентов, за тридцать лет – не то пятнадцать, не то двадцать процентов. Дядя Леша сначала подсчитал, сколько получится, если надбавка будет двадцать. Выходило неплохо – тридцать шесть трудодней без всякой работы. А если пятнадцать? Дядя Леша снова стал подсчитывать, но тут же сбился со счета. Он плюнул с досады и стал пересчитывать еще раз, но на этот раз его сбили Гошка и Санька, которые шли мимо склада и разговаривали о чем-то. «Может, насчет пенсии», – подумал дядя Леша и прислушался. Говорила Санька:

– Ты, Гошка, хороший, только... ну я не знаю, как сказать. Вот смотри: ночь, степь... Ты хотел бы пойти в поход далеко-далеко, километров... на сто?

– Нет, не хотел бы, – сказал Гошка. – Мы как-то в армии ходили на двадцать пять километров, я портянку плохо намотал и ногу стер до крови.

– При чем здесь портянка? – вздохнула Санька.

– Как – при чем? Чтобы ходить в походы, надо уметь портянки наматывать.

– Вот видишь... портянки. А вот скажи, ты хотел бы совершить какой-нибудь подвиг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.